

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П12

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году
Серийное оформление Э.Э. Кунтыш
Компьютерный дизайн — Андрей Смирнов
Иллюстрация — Дарья Родионова

Павлова, Василиса.

П12 Подмосковье. Песня Птицелова : [фантастический роман] / Василиса Павлова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Сталкер).

ISBN 978-5-17-120593-5

Камнепад из космоса навсегда изменяет не только земную поверхность, но и судьбы людей, хотя большинство из них даже не догадывается, что мир висит на тонком волоске. Страшной угрозе, которую несет пришелец с каменным сердцем, могут противостоять только герои с обычными, живыми сердцами, однако им только предстоит узнать, что самое трудное в смертельной битве с чужаком — это просто остаться человеком. А кто-то из них еще имеет дерзость рассчитывать на счастье. Но ведь иногда смерть стоит того, чтобы жить, а любовь — того, чтобы ждать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120593-5

© В. Павлова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧАСТЬ 1

ЗАКРЫВАЯ НЕБЕСНЫЙ СВЕТ

Глава 1

На растрескавшейся земле

— Отставить смех! — рявкнул майор. — Лагутин, я посмотрю, каким местом ты будешь смеяться, когда эта тварь тебе башку откусит!

Бойцы так и грохнули. Последний инструктаж перед операцией проходил на редкость весело. Нет, майор Комов не пытался хохмить специально, это получалось само собой. Отряд ликвидаторов состоял в основном из бывалых спецназовцев, для которых опасность не в новинку, поэтому рассказы майора их не сильно пугали. Команда подобралась молодая, ребята задорные, им палец покажи — полдня будут ржать. А тут Комов завел разговор про мутантов-гигантов: мышей размером с кошку, волков с пантеру, а потом и вовсе про белок. Вот огромная белочка и вызвала дружный гогот и шутки про алкашей. Больше всех старался Сашка Лагутин, ему в первую голову от майора и влетело.

Александр был в отряде недавно, всего второй месяц. После переподготовки он сам попросил направить его в Табловскую войсковую часть, базирующуюся недалеко от родной Рузы. Были у него на этот счет свои планы.

— Ну что, веселиться закончили? Теперь внимание, всем сосредоточиться! Еще раз пробежимся по плану завтрашней вылазки.

Майор по старинке разложил на столе бумажную карту местности. Он упорно игнорировал современную технику, предпочитая инструктаж «на коленке», в полевых условиях. При этом часто цитировал любимый фильм: «Как-нибудь обойдемся без ваших мониторов-смартфонов. Сапог в бою надежнее». Надо отдать ему должное, в этом Комов был прав. В лесной чаще и на болоте гаджеты не шибко помогали. Выручали, как и в старые добрые времена, спецподготовка и обычные навыки выживания.

— Внимание, бойцы! Повторяю задачу. Наша цель — разведка, раз! Закладка «хитиновых» зарядов как можно ближе к эпицентру Зоны, два! Вернуться живыми и здоровыми, три! Всем ясно? Лагутин, тебе ясно?

Сашка кивнул. Ему часто доставалось от майора за «разговорчики в строю» и шуточки. Доставалось больше на словах, редко когда дело заканчивалось взысканием. Комова любили, за глаза называли «батей». Да и он, несмотря на грозный вид, относился к своим подопечным по-отечески — отчитывал строго, но всегда справедливо, и если уж влетало, то за дело.

Майор кашлянул и продолжил:

— Выдвигаемся на рассвете. Идем цепью, друг друга из вида не теряем. Как проходим во второй периметр, все — никакого писка-шума, тишина в

эфире, разделяемся попарно. Огнестрельным оружием пользоваться только в случае крайней необходимости. Зверье там дурное, голодное. На выстрел сбегаются целые стаи. При нападении только ножом. Перед отбытием всем пройти медосмотр, получить допуск. Больным и ослабленным идти запрещаю, сами сгинете и товарищей погубите. Аногемму принять за пять минут до выхода.

И запомните, сынки. Вы не просто ликвидаторы: вы, как говорили раньше, сталкеры, люди, способные выживать в аномальных Зонах. Табловская до конца не изучена, и что там нас ждет, одному богу известно. Но зараза должна быть уничтожена без промедления, в самом своем гнезде! И раздавить ее должны мы с вами, пока эта гниль снова не выползла наружу. Дело опасное... Что говорить, сами знаете, после таких операций возвращаются не все. А завтрашняя — последняя, решающая. Наше главное оружие — внезапность и стремительность. Заметят — нарвемся на сопротивление, мало не покажется. Если есть сомнения, не поздно отказаться. В общем, завтра в бой идут одни... старики!

Комов улыбнулся, но вскоре снова посерьезнел:

— Теперь письма родным. Все по инструкции, лишнюю информацию не передавать. Побольше про природу и про то, что хорошо кормят. Никаких прощаний. Дату поставить первое октября.

Свободны.

На дворе стоял золотой сентябрь. Все понимали, что все эти фокусы с датой — из-за секретности, и если боец не вернется, они «продлят» его жизнь

на какое-то время. Хотя бы для родных и близких. Обгоревшие трупы пропавших во время подобных операций находили, как правило, недели через две-три. Плюс время на формальное расследование и оформление документов по официальной версии гибели. В итоге родные получают цинковую посылку и уведомление как раз через месяц. Хотя бы это время они проживут спокойно, правда, конечно, утешение слабое.

Сашке писать было некому. Отца он не знал с рождения, мать умерла три года назад от скоротечной болезни, как и многие в первые месяцы после метеоритной «бомбежки». Александр тогда служил на границе. Их базу не задело, обошло стороной. Ближайшие места поражения оказались в нескольких сотнях километров, поэтому приходящие новости одновременно и тревожили и казались чем-то фантастическим, захватывающим, как в кино.

Отрезвление пришло быстро, фантастика обернулась ужасающей реальностью. Фотографии и видео из новостной рассылки хорошо отражали масштабы катастрофы, в пику официальным сведениям о якобы редких локальных повреждениях. Достаточно было взглянуть на фото со спутника, чтобы понять — невесть откуда взявшиеся небесные камни просто изрешетили земную поверхность, сделав ее похожей на использованную мишень на стрельбище. И сама жизнь на растрескавшейся земле, как оказалось впоследствии, тоже сильно изменилась.

Вскоре до Сашки дошли слухи, что один из крупных метеоритов свалился неподалеку от Рузы,

и практически сразу за слухами полетели черные вести об эпидемии неведомой болезни, якобы не связанной с предшествующими событиями. И снова официальные власти с экранов телевизоров и страниц СМИ призывали не поддаваться панике, высокие чины уверяли, что ситуация под контролем. Только кривая смертности при этом упрямо лезла вверх, побивая многолетние рекорды.

Мать до последнего скрывала болезнь, успокаивала. Вызвала Сашку соседка, телеграммой, когда та совсем ослабла. Хорошо, в части оказались люди понимающие, отпустили без проволочек. Он успел приехать и даже попрощаться.

Потеря саданула в самое сердце — ближе матери у Сашки никогда никого не было, а после свадьбы друга и любимой и вовсе осталась только она. После похорон Александр вернулся в часть, там долго отходил сердцем, стараясь не давать волю тоскливым мыслям, не замыкаться в нагрянувшем одиночестве. Помогали друзья, да и тайга, к которой успел привыкнуть, стала почти родным домом. Так и дослужил. После дембеля твердо решил начать новую жизнь, спокойную, нормальную, как обещал когда-то матери. Волна эпидемии в Подмосковье к тому моменту сошла на нет — то ли действительно нашли вакцину, то ли смерть, собрав немалый урожай, отступила сама.

Вспомнилось, когда ехал домой, подошла к нему на вокзале цыганка. Типичная «позолоти ручку!», что метут юбками грязный асфальт привокзальных площадей. Подкатила радостно, сверкая золотой

коронкой, а как в глаза ему взглянула — отшатнулась, брови нахмурила, зыркнула почти сердито. И денег не попросила, только сказала скороговоркой, будто спешила уйти подальше от зачумленного: «На беду едешь, лучше бы тут остался!» Сашка в гадания-предсказания никогда не верил, а тут и его жуть пробрала. Догнал, вложил в ладонь мятую сотню, вроде как задобрить. Цыганка тогда взглянула печально, добавила: «Не бойся врага, бойся друга, может, тогда судьбу и обманешь». И ушла, затерялась в вокзальной толпе. Вроде как с надеждой последние слова сказала. Или ему просто хотелось так думать.

Вернулся домой, в опустевшую двухкомнатную «хрущевку». Поначалу все действительно шло неплохо: восстановился в институте — пошел на вечерний факультет, нашел работу. Только дальше Сашкины планы разбила вдребезги случайная встреча с Павлом, бывшим другом, предателем и снова другом. В конечном итоге из-за этой роковой встречи Александр и оказался здесь.

«Ирке, что ли, написать?» — мелькнула запоздалая мысль. Лагутин привалился спиной к толстенной сосне, вздохнул, закрыл глаза. Ирка была его первой и пока единственной настоящей любовью. Жила она в соседнем дворе, учились вместе с первого класса. Сначала дружили, потом, классе в седьмом, появилось в их дружбе что-то новое, неожиданное. Настала пора влюбленности, которая у Сашки выросла в настоящее чувство, а у Иры потухла, уступив место другой, новой любви.

С Пашкой Александр занимался в футбольной секции. Друзья не разлей вода — лучший нападающий и лучший вратарь. Вот с ним-то, кого считал другом навек, однажды, себе на горе, и познакомил он свою Ирину. И даже не заметил тогда, какие громы и молнии грянули над их троицей, как рухнул его привычный мир.

Ира с тех пор говорила с ним только о Паше, а Павел, в свою очередь, смотрел виновато и больше отмалчивался. Впрочем, долго свои чувства они скрывать не стали. Сразу после выпускного Ирка ошарашила новостью — они с Павлом встречаются, а для Саши она может быть только другом. «Ты хороший, ты себе лучше найдешь!» — утешала она его тогда, сама чуть не плача. Потом состоялось объяснение с Павлом, почти братом, ставшим в одночасье соперником и заклятым врагом.

Александр отступил, смирился. Обида жгла, сердечные раны никак не хотели затягиваться. Потом он узнал, что Павла призвали в армию. В душе поселилась подленькая надежда, что однажды Ирка передумает — может, поссорится с Павлом, может, не выдержит долгой разлуки и вернется к нему. Учился в институте, сдавал сессии, даже изредка заводил мимолетные романы. Ирку видел мельком, на глаза специально не лез, ждал. А через полтора года после того разрушительного признания получил приглашение на свадьбу. От бывшей девушки и бывшего лучшего друга. Это стало последней каплей, после которой он решил сбежать на край света.

Сашка бросил институт и ушел служить. Попал в погранотряд, в уссурийскую тайгу. Жизнь в приграничной зоне оказалась неожиданно хорошим пластырем для разбитого сердца. В душе все постепенно улеглось, успокоилось. Но это оказалось лишь затишьем перед бурей, потому что вскоре мир рухнул во второй раз — его разбил поток проклятых метеоритов.

Воспоминания прервал протяжный гул, сигнализирующий об открытии ворот, ведущих в буферную зону перед аномалией. И тут же завывала тревожная сирена. Это могло означать только одно — дозорные вернулись с очередной страшной находкой, а значит, чьи-то родные вскоре получат цинковую посылку и официальные соболезнования. Сашка представил себе безутешных родителей, рыдающую над гробом вдову, детей, ставших в мирное время безотцовщиной, и только скрипнул зубами. Мерцавшие где-то в глубине искры страха погасило желание отомстить. Он не знал точно, кому именно — поганой гнили, как ее называл Комов, или тем, кто ее охраняет. Гибель еще одного сослуживца взывала к действию. Прав майор: кто, если не мы?!

Глава 2

Не считая, что это сон

Под утро приснился сон — он, маленький непоседа, бегаёт по коридору с игрушечным автоматом, громко кричит «тра-та-та», убивая наповал воображаемого противника, а мать, скрывая улыбку

ку, шутиливо грозит ему пальцем. Светлый сон, добрый, проснулся в хорошем настроении. Рассказал за завтраком друзьям. Его второй номер по будущей вылазке, Колька Белов, скептически сморщился — мол, зря радуешься, покойники снятся к дождю. Сашка пожал плечами — к дождю так к дождю, осенний дождик и вправду накрапывал. Им-то что, не барышни кисейные, не растают. Но в душе шевельнулся холодок предчувствия: не зовет ли его мать к себе, не станет ли эта вылазка последней в жизни раба божьего Александра Лагутина? И тут же себя одернул — тьфу ты, как бабка деревенская, теперь и в сны давай верить!

Медосмотр прошел быстро. Подождал Белова — того военврач почему-то задержал дольше всех. Потом в процедурку, на укол аногеммы, и бегом на построение. Перед выходом получил наушник-вкладыш, проверил микрофон: «Раз, раз, Птицелов вызывает базу, прием».

Позывной он себе выбрал сам. С детства любил птиц, умело подражал и ворону, и скворцу, и даже трелям соловья. Еще на пограничной службе любил разыгрывать новичков, изображая кукушку. Сначала выдавал традиционное «ку-ку» откуда-нибудь из укромного места, а на вопрос «Сколько мне жить осталось?» резко обрывал кукование демоническим смехом. Суеверные, несуетные — все пугались до чертиков. Потом, конечно, успокаивал бедолагу, объясняя, что это был розыгрыш, никакой мистики, а особо напуганным снова демонстрировал свои способности в подражании затейливому птичьему пению.

Вышли налегке, стандартная экипировка, ничего лишнего. К походной разгрузке добавилась лишь небольшая тактическая сумка с запасными патронами, аптечкой и куском «хитиновой» взрывчатки. Эх, добраться бы до эпицентра да накрыть его разом — всем бедам тогда конец! Вероятность небольшая, конечно, но вдруг повезет, может, даже героя дадут. Ну да, мечтать не вредно. Пашка — тот, прежний, сейчас бы обязательно хмыкнул и сказал, что догонят и еще добавят.

До второго периметра около пяти километров. Шли цепочкой, друг за другом, довольно быстро, но почти бесшумно. Ходить тихо, по-охотничьи, учили с самых первых занятий. Подмосковный лес дышал осенней прохладой, дождик не расходился, по-прежнему лишь изредка накрапывал. Предраcветные сумерки постепенно сменялись утренней туманной дымкой. Мирный, тихий лес. Никогда не подумаешь, что в нем, таком привычном, пахнущем грибами, влажными листьями и валежником, теперь полно опасностей — взбесившихся зверей, а может, уже и другой какой нечисти. Что там, например, в болотах могло завестись, жутко даже представить. Хотя все равно пока все это выглядело страшной сказкой, хоть и подтвержденной очевидцами — вживую Александру встречаться с мутантами еще не приходилось.

Согласно оперативным данным, мутировавшее зверье редко покидало пределы первого периметра, обитало в основном там. Но случалось, что и в буферной зоне, по которой они сейчас шли, появля-

лись огромные зубастые твари размером с хорошего тигра или зайцы, после трансформации больше похожие на лохматых дворовых собак с красными глазами. Рассказывали, что тушу такого зайца однажды притащили дозорные, он напал из кустов на одного из бойцов отряда. Покусанный убитой тварью позже умер в госпитале. Врачи не смогли ничего сделать: слишком много крови он потерял. Тело спецназовца было буквально раскромсано в ключья длинными острыми зубами. Сашка старался об этом не думать, настраивался на выполнение боевой задачи. Разведка — раз, закладка «хитина» как можно ближе к эпицентру — два, вернуться обратно живым — три. К установкам Комова он мог еще добавить от себя — выполнить обещание, данное Павлу — четыре. Или это нужно поставить на первое место?

После дембеля гражданская жизнь казалась Александру странной, непривычно комфортной. Он работал на заводе, три раза в неделю посещал институтские лекции, ходил в кино с друзьями, иногда просто проводил вечер дома у телевизора. Однажды, переключая программы, зацепился взглядом за передачу на местном канале. Приглашенными гостями студии были участники ликвидации последствий метеоритного «дождя», так красиво его называла молоденькая ведущая. Одного из участников Сашка узнал сразу — это был Павел.

Разговор на экране шел вяло, гости выдавали сухие, будто заученные фразы, типа «космическое явление», «не представляет опасности». Павел